

Китайцы, японцы и корейцы могли иметь некоторые общие черты, но атмосфера, которую они излучали, была разной. Это было трудно определить, но разницу можно было заметить при небольшом наблюдении.

Он никак не мог испытывать восторг от убийства человека своей национальности. Даже если у того было оружие, это было не то, ради чего стоит умирать. Он вломился в дом, поэтому не мог ничего сказать об их мести. Ему было не по себе от мысли об убийстве кого-то невинного.

"Проклятье, что ты здесь нашёл такого, ради чего стоило проделать такой путь?"

Когда он с ворчанием снял с человека гандуру, на нем оказалась желтая униформа.

Его внимание привлек сверкающий значок, прикрепленный к левому карману мундира. В центре значка на красном фоне была фотография Ким Ир Сена. Это был значок Ким Ир Сена второго лейтенанта. Он только слышал о нем, но увидел впервые.

"Ха, значок Ким Ир Сена? Он один из тех красных".

Его неуютное настроение быстро улетучилось.

Слухи о том, что Северная Корея отправила в Африку свой отряд пыток, оказались правдой. Он снял значок и положил его на пояс. Он порылся в трупе, но кроме ядовитого дротика, ножа и нескольких долларов там ничего не было.

То же самое было и с другими трупами. Кроме нескольких долларов, франков и оружия, на них ничего не было. У них не было даже презервативов. Это была заметная черта стереотипных шпионов.

Многие заболевания, связанные с сексом, в Африке появились из-за бедности, гигиены и неправильных представлений, но было и большое европейское влияние. Европейцы завезли в Африку сифилис, гонорею и трихомонаду до начала 20-го века. Те европейцы, которые носили с собой презервативы в страхе перед распространяемыми ими болезнями, вызывали такую же жалость.

"Неужели у этих б*як нет хотя бы регистрационных номеров? Это какие-то неоднозначные б*яки".

Ручное оружие, которое было у них в руках, было таким же.

Там был пистолет Макарова, с коричневой рукояткой и звездой, вделанной в середину. Макаров не был каким-то дешевым приобретением, как Токарев.

Макаров был субмоделью Токарева. Скопированный с немецкого "Вальтера" РРК, "Макаров" был удобен в ношении и обращении. Токаревым пользовались шпионы из советского и ближнего восточного полушария. Его было достаточно использовать вместо регистрационных номеров.

Поскольку два африканца, два белых и один кореец собрались так, словно это была расовая выставка, трудно было определить их цель. Вполне вероятно, что это были советские шпионы, учитывая тот факт, что они использовали пистолеты Макарова с глушителем. Быть шпионом вражеского государства не было смертным преступлением, но это позволяло ему избавиться от чувства вины за убийство себе подобных.

Черная Мамба убрал предметы и Макарова в портфель, который нашел в гостиной. Он также собрал все неизвестные документы на столе. Он мог просто отдать их тому, кто мог бы их прочитать.

Он уничтожил пятерых здоровых мужчин, появившись посреди ночи как призрак. Обе стороны использовали глушители, но он выломал дверь и проломил стену.

На звук в соседнем доме зажегся свет.

Черная тень перелетела через забор дома, словно призрак.

Капитан забыл о присутствии Ливии за ФРОЛИНАТОМ.

Северное правительство Чада контролировалось большим влиянием Ливии. Не было такого места, куда бы не дотянулись руки Ливии.

Пять человек, которых убил Черный Мамба, были информаторами Ливии. Они были штабом операции по нападению на команду Рателя, которая остановилась в отеле. Никто не знал, что глава операции был отрезан, даже Черная Мамба. Хотя по стечению обстоятельств он избавился от непосредственной угрозы, он не мог представить, какая угроза приближается.

Капитан не был идиотом.

Он предвидел возможность проникновения FROLINAT в отель, но все же рискнул.

Единственным местом с телефонной связью из северного Сахеля Чада в Нджамену был отель Le Marien.

Социальная инфраструктура Чада была бедна до предела.

В стране не было железнодорожной сети, не говоря уже об отсутствии дорожной сети. Даже эта недостаточная дорожная сеть терялась во время сезонов дождей. Электричеством были обеспечены только ближайшие районы Нджамены и отдельные точки в крупных городах.

Не было никакой возможности обеспечить стабильную работу линий связи. Междугородние линии связи между городами были из каменного века. Со времен французской колонизации из-за гражданской войны их качество, по сути, снизилось. Если что и улучшилось, так это количество денег в задних карманах высокопоставленных чиновников.

Капитан посмотрел на затылок толстого связиста через барьер. Ему пришлось открыть связь и вызвать воздушное подкрепление, чтобы спасти своих подчиненных. Коммуникатор вспотел под таким зверским взглядом.

Он прогнал сон, щипая себя за бедра. Его тело обмякло, как промокший хлопок, а подбородок автоматически опустился. Связь была важнее отдыха, но не было никаких обещаний, что он до них доберется. Его сердце колотилось так, что рука хотела выскочить из горла, но ничего не оставалось делать, как ждать.

Линии удалось соединить через час.

- Альфа, это Браво.

- Браво, это Альфа.

- Альфа, это...

"Арррххх, черт возьми!"

прорычал капитан. Слабые линии игнорировали его сердце. Связь прервалась в тот момент, когда они едва представились.

Капитан проклинал слабую социальную инфраструктуру в Чаде.

Он передвигал горы, чтобы сохранить самообладание и не разбить дешевый телефон в руке.

В отчаянии ему пришлось ждать нового соединения. Линии связи в Чаде были сухими, как водные запасы в пустыне. Ожидание не сулило ничего хорошего.

Определить их местоположение через передачу в Нджамене было невозможно. Это было возможно только в странах с организованными линиями связи.

Чад с его разрушенными линиями связи не позволял определить происхождение соединения со стороны принимающей стороны.

Франция была больше сосредоточена на добыче природных ресурсов в Чаде, чем на развитии его как колонии. То же самое было и со всеми другими европейскими странами. И вот прошло столетие без каких-либо улучшений.

Поскольку и без того обделенное существо было ограблено, от него остались только кости. Нынешнее положение Чада фактически ничем не отличалось от прошлого Кореи сразу после освобождения. Капитан и представить себе не мог, что причина плохой связи Чада кроется в ответственности Франции.

Вернувшись в гостиницу, Черная Мамба вскарабкалась по стене и без единого звука проскользнула в комнату. Окно веранды дребезжало от храпа Эмиля. Это было последствием путешествия по Сахелю без сна в течение месяца.

Он снял с себя всю одежду и вошел в ванную.

Когда он включил кран, полилась чистая вода. В Пайе было много воды, несмотря на то, что это пустынный город, благодаря подземным водам.

"Это волшебство!"

Он был растроган до слез. Предоставленное мыло было хрупким, но оно хорошо смывало загустевший пот, пыль и кровь.

Любой нормальный человек должен был мыться. Тот факт, что человек мог мыться по своему желанию, был источником огромного счастья. Мытье делало человека человеком. Человек - это "Номо Lavares (лат. - мыть)", тот, кто моется. Любой, кто месяц бродил по Сахелю, согласился бы с этим.

Он даже не догадывался, насколько ценной была тогда чистая вода, стекавшая по реке горы Чанг Саенг, словно очищенная. Люди, безусловно, были несовершенными существами, которые учились только на опыте и понимали только через эмоции.

Эмиль погрузился в глубокий сон, растянувшись на кровати, все еще в своем сирвале. Черная Мамба знал, что он устал, но был возмущен тем, что его партнер забыл основы.

"Ты идиот, Эмиль!"

На тихий оклик Эмиль открыл глаза. Он нащупал под подушкой подушку.

Его чувства, натренированные на многих полях сражений, были на пределе.

"Оденься и держи пистолет рядом".

"Ой, когда это я уснул?"

Эмиль ударил себя по лицу. Он совершил большую ошибку, потому что ослабил бдительность во время долгого отдыха. Он взял "Глок", который протягивал ему напарник, с виноватым лицом.

Кроме капитана, который скрежетал зубами в комнате связи отеля, все остальные члены команды находились в такой же ситуации, как и Эмиль. Черная Мамба об этом не подумал.

"Не храпи. Я засуну тебе пулю в нос".

Черная Мамба прижался спиной к кровати, пробормотав такое страшное предупреждение.

'Я должен отдыхать, когда могу'.

Сон одолел его, как только он лег на кровать, несмотря на ее жесткое и грязное состояние. Никто не отдыхал как следует с того момента, как месяц назад их отправили на задание.

Его тело было полно энергии, но мозг не мог противостоять усталости. Усталость захлестнула его, как приливная волна. Му Санг спал, как будто был мертв.

Это было двухэтажное деревянное здание с голубой черепицей на крыше.

Доски особняка были подогнаны друг к другу вокруг центрального пруда, создавая плоский палисадник в японском стиле хиранива. Внезапный порыв ветра собрал опавшие листья в кучу.

Они попали в окно второго этажа. Мужчина, стоявший у окна, закрыл его. Коричневый лист медленно сполз по закрытому окну. Мужчина смотрел на сползающий по окну лист безразличным взглядом.

Листья, поднятые ветром, порхали в воздухе, теряясь, пока не потеряли силу и не упали на землю. Листья падали на пруд или на землю, раскачиваясь и хаотично разлетаясь. Взгляд мужчины недолго задержался на листьях. Они следовали за частью его жизни, которую он потерял.

Красочные листья, которые радовали его глаз, были лишь мгновением во времени. Листья, которые колыхались повсюду, следуя за ранним зимним ветерком, были всего лишь сухими, грязными помехами.

Листья, которые покидали дерево, назывались уже не листьями, а мусором.

Он был тем самым листом, который порхал вокруг без цели. Он был листом, который оторвался от своего дерева, как фраза из очень старой истории, как утиная водоросль без корней. Ему вдруг показалась жалкой его судьба.

"Цветы распускаются, а листья поспевают".

Из уст Му Ссанга вырвалось восклицание, которое произнес бы 70-летний старик. Почувствовав, что у него защемило сердце, Му Санг закрыл глаза и покачал головой.

Красные губы прижались к его губам, как будто ждали. Тепло, как будто на нем поставили клеймо, разлилось по нервам.

"Люблю тебя!"

Небесный звук, похожий на голос ангела, зашекотал его ухо.

Это была многозначительная фраза, которую многие женщины произносили с вложенной в слова душой, или бездушно. Конечно, это относилось к кому-то другому, не к нему.

Длинные белые пальцы расстегнули пуговицы на его рубашке и скользнули по груди.

"О, если бы только она была чуть мягче".

Ее мягкие руки, в которых, казалось, не было ни одной кости, скользили по его твердой как железо груди.

"О, твои соски уже горят. Позволь мне проверить и их".

Рука, сбежавшая с его груди, скользнула по молнии брюк и зарылась внутрь. Губы, которые были на его лбу, облизали его лицо и открыли зубы, впиваясь в них, словно возвращаясь домой.

"Ха!" - вскрикнул мужчина странным голосом. Его молодое тело пылало так же жарко, как петарды в его городском районе, где он учился.

Был ли он на руках у матери, или в доме тети, или в самой большой комнате храма Чунь Сун, или в ночлежном доме в уезде Бицзин, он не мог сказать. Ему было хорошо, где бы он ни был. Ему было все равно, лишь бы Хэ Ён была в его объятиях. Хэ Ён все еще была послушницей. Конечно, он тоже поспешил. Они нерешительно целовались и любили друг друга. Их зубы клацали друг о друга и оставляли повсюду красные следы.

Хэ Ён запустил руку в ее нижнее белье. Кончиками пальцев он чувствовал волосы.

Ее забота была точной.

Она всегда была аккуратной, как будто ее расчесали. Однажды он спросил, расчесывает ли она там низ, когда расчесывает волосы, и был наказан отсутствием секса в течение недели.

Это было накануне. Он сдержал смех. Хэ Ён, как и ожидалось, не выдержала и дня. Она прижалась к нему, как стиральная доска. Она проглотила его центр, как анаконда. Он провалился в пик наслаждения, словно падал с огромной высоты.

Clack-

Маленький звук из реальности послал сигнал через его мозг, возвращая его в реальный мир. Несколько возможностей пронесли в его сознании за одно мгновение, как панорама. Легион Этранжер, спецназ Чада, снайпер, партизаны со взрывающимися головами. Хм! Партизаны?

Его пробудившиеся чувства создали и послали несколько сигналов. Его сознание очнулось, как будто кто-то вылил на него ушат холодной воды.

Он узнал звук клацанья - это открывался дверной замок.

Если бы он был в нормальном состоянии, то почувствовал бы, как незваный гость поднимается по лестнице, но Хэ Ён всегда ослаблял бдительность. Он был больше раздосадован прерванным сном, чем присутствием постороннего. Сколько лет он страдал от палатки в штанах!

"Вот ублюдок, я его на куски порежу!".

<http://tl.rulate.ru/book/75373/2164577>